

Исторический журнал: научные исследования

*Правильная ссылка на статью:*

Синин Е.Ю. «Принципы партийности» во взглядах Григория Евсеевича Зиновьева // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.5.71561 EDN: SRBWVG URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=71561](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71561)

## «Принципы партийности» во взглядах Григория Евсеевича Зиновьева

Синин Евгений Юрьевич

ORCID: 0000-0002-1444-5217

аспирант, департамент истории Института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, Второй Сельскохозяйственный пр-д, 4к1, ауд. 3413

✉ [e.sinin@yandex.ru](mailto:e.sinin@yandex.ru)



[Статья из рубрики "Эволюции, реформы, революции"](#)

### DOI:

10.7256/2454-0609.2024.5.71561

### EDN:

SRBWVG

### Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2024

### Дата публикации:

04-09-2024

**Аннотация:** Предметом статьи выступают взгляды одного из основателей Советского государства и большевистской партии Г. Е. Зиновьева (1883-1936) на сущность и функции коммунистической партии. Данная тематика анализируется через призму политической биографии героя, что определило сделанный акцент на следующих трёх пунктах: 1) понимание коммунистической партии, 2) место партии в советской политической системе, 3) границы внутрипартийного плюрализма. Источниками к анализу выступают тексты книг, речей, статей, черновиков, брошюр и заявлений Г. Е. Зиновьева. Кроме указанного круга источников представленная работа опирается на существующую историографию о Г. Е. Зиновьеве (труды Ю. Н. Жукова, С. С. Войтикова, В. Н. Самоходкина, Е. Д. Флигинской и других исследователей). В работе автор использовал материалистическую концепцию (в частности – исторический детерминизм),

а также историко-генетический и историко-типологический методы. Устанавливается наличие у Григория Евсеевича Зиновьева собственных оформленных взглядов на сущность и функции коммунистической партии, которые шли в общем для большевизма русле, но имели и свои особенности. Определение Г. Е. Зиновьевым коммунистической партии сводилось к признанию её единственным авангардом и политической организацией пролетариата, причём акцентировалась возможность существования только одной коммунистической партии, а внутри этой компартии постулировалась невозможность образования внутренних фракций. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём проводится систематизация взглядов такого крупного большевистского и советского деятеля, как Г. Е. Зиновьев на роль и функции коммунистической партии, а также их включение в историю марксистской и большевистской политической мысли.

#### **Ключевые слова:**

Григорий Евсеевич Зиновьев, партия, большевистская партия, марксизм, большевизм, РСДРП, РКПб, ВКПб, советская политическая система, дискуссии в партии

«Манифест коммунистической партии» – главный документ, декларировавший принципы марксистской идеологии, сообщал о важности партии. В дискурсе исторически наиболее влиятельных марксистов – русских большевиков – это подчёркивалось на разных этапах его существования. Учение о коммунистической партии как о владеющем передовой теорией профессиональном авангарде рабочего класса было сформулировано в работе В. И. Ленина «Что делать?» (1902) [\[24, с. 25, 83-86, 90, 129-133, 171, 179\]](#). Большевизм стал практической реализацией этого учения. В последующем важность партии для большевиков только подтверждалась. Уже после революции, в работе «Детской болезни левизны в коммунизме» (1920) Владимир Ильич определял партию как высшую форму классового объединения пролетариев [\[27, с. 33\]](#). Другой лидер большевиков, Л. Д. Троцкий в статье «Уроки Октября» (1924) дополнял эту мысль соображением, что революция обречена на поражения без руководящей им коммунистической партии [\[50, с. XII-XIII\]](#). Как догма учение об исключительной роли партии в революции и государстве было изложено в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938) [\[22, с. 337-338\]](#). Ведущая роль партии как единственно возможного авангарда рабочего класса подчёркивалась и в позднесоветской литературе [\[31, с. 8-10\]](#).

Значимость коммунистической партии отразилась не только в риторике, но и на практике. Сторонникам В. И. Ленина удалось к 1917 г. отделиться от меньшевиков и создать дееспособную партийную организацию, действовавшую в условиях революционной многопартийности. Однако, в ходе Великой Российской революции фактически сложилась однопартийная система власти. События Гражданской войны привели к её консервации, а внутри РКП(б) это выразилось в официальном запрете X партсъездом (1921) образования фракций и группировок [\[53, с. 585-605\]](#). Партия к тому времени стала ядром политической системы: ключевые решения принимались не в Советах, а в ней. Эта схема в целом просуществовала до 1991 года.

Теория и практика коммунистической партии требуют не только описания, но и исторического анализа, что позволит не только расширить знания о марксизме и большевизме, но и ответить на вопросы политического развития России в XX веке, во

многом определённых этой партией. И хотя историческая часть вопроса в целом известна, здесь существует пласт сравнительно незатронутого (в сравнении с В. И. Лениным, И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким) материала - политические взгляды Г. Е. Зиновьева.

Важность обращения к воззрениям Григория Евсеевича Зиновьева (1883–1936) определяется его местом соратника В. И. Ленина, руководителя колыбели революции – Петрограда, одного из основателей большевизма и коммунистической партии. Ещё до революции он был в партийном руководстве и имел высокий авторитет в партии [\[29, с. 296; 51, с. 508–509\]](#). 1917 год утвердил Григория Евсеевича в ранге политической величины. После Октября он был членом Политбюро, председателем Исполкома Коминтерна, одним из организаторов антитроцкистской борьбы. Зиновьев заявлял о себе как о вожде партии, в частности, выступав на XII и XIII партсъездах с политическим отчётом и издав в 1925 г. свою интерпретацию идей Ильича – книгу «Ленинизм».

Вышесказанное определяет правомочность обращения к идейному наследию Г. Е. Зиновьева. Анализ его воззрений предлагается вести, разделив проблему на три существенных с точки зрения его политической биографии направления: 1) понятие коммунистической партии, 2) место партии в советской политической системе, 3) границы внутрипартийного плюрализма. Источником к анализу выступают зиновьевские тексты, преимущественно послереволюционного периода, в силу привязки высказанных там положений к практическим шагам их автора.

Первостепенное внимание стоит обратить на то, как Григорий Евсеевич определял коммунистическую партию. Источником политической мысли для Зиновьева было марксистское учение, в основополагающем документе которого – «Манифесте» – постулировалась необходимость партии в силу потребностей классовой борьбы: организация пролетариев в класс требовала обособления их политического представительства ради централизации усилий рабочего класса [\[30, с. 433, 437\]](#). Более того, компартия понималась основоположниками марксизма как всемирная сущность, что проявилось в образовании Союза коммунистов (1847–1852) и Первого Интернационала (1864–1876). Политическая эволюция в условиях капиталистического развития и роста популярности коммунистически идей привела к созданию во многих странах мира социал-демократических партий. А под влиянием событий Первой мировой войны, когда официальная социал-демократия отказалась от революционной перспективы, российские радикальные социал-демократы – большевики – сменили самоназвание на «коммунистов», апеллируя как раз к заложенному в марксизме термину [\[26, с. 42–44\]](#).

Г. Е. Зиновьев также обращался к марксистской традиции понимания партии как авангарда рабочего класса. Ещё до революции, в 1909 г., он определял партию как передовой отряд революционной армии [\[16, с. 189\]](#). А в 1920 г., систематизируя понимание вопроса, Зиновьев обращался к «Манифесту» как источнику понятия «партия», к этимологии этого слова, и акцентировал внимание на том, что она являлась передовой частью определённого класса, а коммунистическая партия - именно рабочего [\[6, с. 4, 6\]](#). Причём без партии невозможно достижение «мечты о счастье человечества», поскольку для рабочего класса она всё равно, что руки и мозг [\[6, с. 6\]](#). В «Истории РКП(б)» (1923) он раскрыл эту мысль: «партия есть часть определенного класса», причём политически организованная, являющаяся его авангардом и источников революционности [\[10, с. 11–14, 26, 30\]](#). В этом и последующих трудах Григорий Евсеевич также неоднократно ссыался к сформулированной В. И. Лениным в «Что делать», в

деятельности «Искры», а также решениях II съезда РСДРП(б) идее о руководимой «научной теорией» централизованной партии [\[7, с. 10; 10, с. 86-89, 97-98\]](#).

Такая партия могла существовать для Г. Е. Зиновьева при определённых условиях. Во-первых, она должна была носить классовый характер – существование межклассовых партий им отрицалось [\[10, с. 29-31\]](#). Во-вторых, хоть внутри рабочего класса и могли существовать несколько партий, но передовая и пролетарская среди них была лишь одна – коммунистическая [\[10, с. 33-34\]](#). Причём эта партия не только отождествлялась с идеальной партией-авангардом, но и с самим делом революции, а также обладала монопольным правом представлять интересы пролетариата – остальные же партии, особенно социал-демократические, расценивались как «гнойник» на теле рабочего класса [\[8, с. 32-33; 11, с. 6-7, 11-12, 32-33; 15, с. 64-65\]](#). Таким образом, Григорий Евсеевич видел истинной только конкретную РКП(б)/ВКП(б) [\[7, с. 31, 40\]](#). На наш взгляд, это понимание лежало в общем большевистском русле: концепция партии как выразителя интересов рабочего класса выходила из ленинской работы «Шаг вперёд, два шага назад» (1904), а также из состоявшей в постоянных расколах с «оппортунистами» истории большевизма. Об особенностях зиновьевского применения этой мысли будет сказано ниже, пока же отметим общее понимание им коммунистической партии как политического авангарда пролетариата.

Авангард пролетариата должен был не только представлять интересы рабочих, но и из них состоять. Источники позволяют проследить эту мысль у Г. Е. Зиновьева. В 1920-е гг. он неоднократно указывал на необходимость поддержания и увеличения доли «рабочих от станка» в партии, видя в этом одну из гарантий правильной политической линии [\[18, с. 15, 20\]](#). Наиболее крупная кампания такого рода – прошедший весной 1924 г. ленинский призыв свыше 100000 человек в партию – расценивался им именно в ключе поднятия доли рабочих [\[10, с. 5-8; 11, с. 16\]](#). В идеале же Г. Е. Зиновьев предлагал чуть позднее довести долю рабочих в партии до 90% [\[12, с. 364-365; 37, л. 5-15; 39, л. 153\]](#). Видя в этом инструмент реализации партийной политики и укрепления собственных позиций как лидера пролетарского Ленинграда Григорий Евсеевич также полагался на присущие в рамках марксизма пролетариату имманентные свойства: коллективизм, классовое сознание, отождествление себя с делом коммунистической партии [\[7, с. 57; 14, с. 45, 74; 52, с. 183-184\]](#). В итоге рабочий авангард должен был буквально таковым и являться, воплощая в себе единство воли и практики.

Единство выражалось и в понимании партии как единой сущности. Действительно, в работах Г. Е. Зиновьева встречались метафоры о партии, которая была вылита «из одного куска» и могла единогласно «говорить» от имени её членов [\[9, с. 11-12\]](#). Но на практике все члены партии не могли сразу и равноценно определять её политику. Логика партии как организации профессиональных революционеров вела к оформлению слоя уполномоченных делать это за людей. В послереволюционную эпоху этот слой, со старым партийным и революционным стажем, получил название «старой гвардии», о громадной роли которой в РКП(б) в 1922 г. упоминал В. И. Ленин [\[28, с. 20\]](#). Зиновьев данное понимание разделял, переносил право партии «говорить» (как и всю отождествляемую с ней революционную харизму) на её руководство – «ядро ленинцев», черпавшее легитимность у масс [\[7, с. 35; 9, с. 12-13; 52, с. 182-183\]](#). Причём причислявший себя к ленинцам Григорий Евсеевич не только постулировал это право, но и подчинялся ему. Так в одном из черновиков за 1925 г., он, анализируя свою борьбу со сталинцами,

указывал: «нас рассудит партия» [\[42, л. 80\]](#). После своего исключения из ВКП(б) в ноябре 1927 г., в наброске тезисов «Почему мы должны честно всерьёз подчиниться XV съезду» Григорий Евсеевич в обоснование этой идее указывал на высшую ценность партии для большевика, что делало невозможной борьбу против старых товарищей [\[47, л. 66\]](#). И даже в тюрьме (1935–1936) Зиновьев апеллировал к партии именно как к высшей сущности, которая помимо выполнения общих задач пролетариата должна была выявлять степень соответствия каждого её члена идеям коммунизма [\[20, с. 8–10, 316–317\]](#).

Таким образом, Г. Е. Зиновьев определял коммунистическую партию как единственно возможный политический авангард рабочего класса. Исторической миссией компартии он видел организацию пролетариата для достижения революции и последующего построения коммунизма. При этом только компартия могла быть выразителем интересов пролетариата и носителем истины. Конкретно же в понимании Зиновьева существовала только одна такая партия – большевистская. Остальные левые партии (в особенности – социал-демократическая), не могли быть авангардом пролетариата.

Если партия являлась авангардом пролетариата в революционном процессе, то логичным будет обратиться к её роли в послереволюционной политической системе. Данная система определялась в трудах её основателя В. И. Ленина как диктатура пролетариата – классовая организация власти не период от революции до достижения социализма, в которой ведущую роль играет демократическое управление обществом через Советы [\[25, с. 18, 26–27, 34–35, 60, 87–90\]](#). Однако построение советской политической системы столкнулось с такими трудностями, как условия Гражданской войны, острая нехватка управленческих кадров, дефицит материальных и организационных ресурсов. Исходя из этого характерным звучало признание Г. Е. Зиновьева в 1920 г., что власть Советов превратилась фактически во власть исполкомов [\[41, л. 3\]](#). В свою очередь, эти исполкомы (как и все остальные органы диктатуры пролетариата) возглавлялись партийными деятелями, что свидетельствовало о подчинении государственных органов кадрам и решениям правящей РКП(б).

Вышеуказанные причины вскоре привели к обсуждению вопроса роли партии в государственной системе. На XII партсъезде (1923) была принята резолюция, включавшая в себя требование безусловности руководящей роли партии в стране, поскольку «диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. Компартии» [\[54, с. 672\]](#). А перед принятием резолюции, в политическом отчёте ЦК Г. Е. Зиновьев отметил схожим образом: «диктатура рабочего класса имеет своей предпосылкой руководящую роль его авангарда, т. е. диктатуру лучшей его части, его партии», причём руководящая роль партии должна всё возрастать, а сама она – руководить работой Советов [\[54, с. 47, 51\]](#).

Понятие о диктатуре партии Г. Е. Зиновьев развивал и дальше. В феврале 1924 г. он назвал актуальным вопрос о соотношении партии и государства, указав, что «мы неизбежно стоим на почве пролетарской диктатуры, железной диктатуры <...> партия руководит советской властью, партия – её голова» [\[7, с. 67\]](#). В программной книге «Ленинизм» (1925) Зиновьев писал, что «диктатура пролетариата невозможна без диктатуры его авангарда, т. е. без диктатуры пролетарской партии... Диктатура партии есть функция диктатуры пролетариата» [\[12, с. 359–360\]](#). Саму возможность снижения руководящей роли партии Зиновьев в декабре 1925 г. называл ревизией ленинизма [\[38, л. 91\]](#). Господство партии над Советами и госаппаратом мыслилось ему фактически на всю эпоху до построения коммунизма: «пока есть большевистская партия, пока есть

ленинизм, пока есть настоящая пролетарская диктатура – до тех пор партия будет стоять над государственным аппаратом, будет руководить, владеть им, а не наоборот» [\[38, л. 92\]](#). Причём гипотетически Зиновьев полагал сохранение партии как ядра системы даже в эпоху бесклассового общества [\[2, с. 59\]](#). Григорий Евсеевич, по сути, возвёл существовавшую практику в закон, провозгласив руководящую роль партии в советской системе неизбежной и соответствовавшей ленинскому канону. Придерживался идеи диктатуры партии Зиновьев даже после поражения во внутрипартийной борьбе с 1927 г.: в заметках 1928 г. он считал отрицание этой концепции идеологической ошибкой [\[43, л. 57\]](#). Публично отказался от неё герой (как и от всей своей трактовки ленинизма) только в речи на XVII партсъезде (1934) [\[55, с. 492–493\]](#).

Стоит отметить, что взгляды Г. Е. Зиновьева на место коммунистической партии в диктатуре пролетариата не отличались от общих большевистских. Однако, для изложения своей концепции «диктатуры партии» Григорий Евсеевич использовал излишне радикальную риторику, которая использовалась антисоветскими силами как «признание» большевиков в том, что советский строй представлял собой власть узкой группы лиц. В таком ключе дважды (в 1924 и 1926 г.) за термин «диктатура партии» Г. Е. Зиновьева критиковал И. В. Сталин, считавший его политически вредным извращением ленинизма [\[5, с. 298–300, 343–345\]](#).

Григорий Евсеевич в понятии «диктатура партии» подразумевал, что она осуществляется единой большевистской партией. Вопрос о политическом руководстве такой партией послереволюционным обществом в идейном дискурсе не возникал до 1917 года. В те годы для Зиновьева образцом единой партии была немецкая СДПГ [\[17, с. 80, 112, 207, 394–396\]](#). Но внутри самой РСДРП, в ходе революционных событий, фактически действовали две партии – большевики и меньшевики. При этом ещё до революции большевизм признавал только себя выразителем интересов пролетариата, вместе с тем не отрицая наличия других левых общественно-политических сил [\[35\]](#). И даже в 1917 г. у части большевиков, включая Зиновьева, был конфликт с Лениным по поводу образования «однородного социалистического правительства». Григорий Евсеевич, поддерживая тогда эту идею, по сути предлагал многопартийную организацию власти.

Под влиянием реального опыта однопартийной системы и убеждения в особой исторической роли РКП(б) мнение Г. Е. Зиновьева начало меняться. Уже в 1922 г. Григорий Евсеевич, признавая теоретически временную возможность образования в европейских странах левых коалиционных правительств, однозначно отрицал такую многопартийность в СССР, ссылаясь на банкротство эсеров и меньшевиков в прошлом [\[19, с. 22–23\]](#). Двумя годами позже Зиновьев с удовлетворением отмечал, что компартия «раздавила» остальные политические силы и присвоила монополию на власть и печать [\[7, с. 12\]](#). В труде «Ленинизм» (1925) он подтверждал истинность только одной коммунистической партии и её права на единоличную власть [\[12, с. 356–357\]](#). И совершенно характерно выглядели строки из зиновьевского письма французскому коммунисту Кальзану от 25 февраля 1928 г.: «другой партии, которая руководила бы величайшей пролетарской революцией, кроме ВКП, не существует. Другой советской власти, кроме существующей советской власти в СССР, не существует. Попытки образования вторых партий... представляют собой сплошной авантюризм. Ничего, кроме ублюдочных организаций... из этого не выйдет» [\[45, л. 134–135\]](#). Таким образом, Зиновьев в советский период был твёрдым сторонником однопартийной системы власти, не



допуская никаких альтернатив большевистской диктатуре.

Вполне можно говорить, что для Г. Е. Зиновьева руководящее место партии в советской политической системе было закономерным и позитивным. Сращивание партийно-государственного аппарата и монополия партии на власть виделась ему нормой в период диктатуры пролетариата. Для теоретического обоснования конкретного советского опыта Г. Е. Зиновьев в 1923 г. с опорой на решения XII съезда партии разработал понятие «диктатура партии», которое активно применял в последующие годы (до начала 1930-х гг.). Радикальная риторика термина вызвала сопротивления ряда партийных лидеров (например, И. В. Сталина), но по существу идея Зиновьева не выходила за рамки большевистской оптики.

Поскольку в понимании Г. Е. Зиновьева коммунистическая партия была единственно возможным политическим инструментом рабочего класса и центром организации диктатуры пролетариата, то логично предположить распространение им принципа единства и на её внутреннее устройство. Источником идеи выступала большевистская традиция, в которой партия наделялась единством воли и дела. Однако и до, и после революции в партии возникали разногласия, приводившие к образованию фракций и течений, что нарушало постулируемое единство. Причём Г. Е. Зиновьев за свою жизнь успел поучаствовать и в расколах, и в их предотвращении. Рассмотрение конкретики споров не является нашей целью, но важно отметить то, что постулируемое как идеал единство партии противоречиво воплощалось на практике. Как партийный теоретик и участник споров, Григорий Евсеевич не мог не иметь позиции по вопросу о границах внутрипартийного плюрализма.

Важно понимать, как Г. Е. Зиновьев пришёл к социал-демократическим идеям. Исследователь В. Н. Самоходкин отмечает, что становление его как большевика проходило в 1903–1905 гг. на фоне внутрипартийного раскола [\[48, с. 156–160\]](#). И обе его стороны боролись за звание истинных социал-демократов, причём большевистская риторика о единстве привлекла героя, что он озвучил в речи на V партсъезде (1907) [\[36, с. 157–161\]](#). Однако, политическая атмосфера столыпинской реакции – разгром руководящих органов и прессы РСДРП(б) – не способствовала единству. В этой обстановке большевики ожесточённо боролись с меньшевиками, отзовистами, ликвидаторами и прочими фракциями, причём делая это под лозунгом сохранения единства социал-демократических рядов. Г. Е. Зиновьев в эти годы продвигал данную позицию, представляя сторонников иных фракций как антимарксистов, а борьбу с ними – как сплочение партии [\[21, с. 43–57, 84–89, 205–209\]](#). Правда, этот посыл о единстве не помешал большевикам на Пражской конференции (1912) фактически стать самостоятельной партией и, следуя ленинскому «прежде чем объединяться, мы должны размежеваться», считать только себя выразителями интересов рабочего класса. Позднее, в 1920-е гг., Зиновьев прямо указывал на допустимость подобных раскольнических действий, если они ведутся «истинными революционерами» против антимарксистов и ревизионистов [\[13, с. 17–18, 23–24\]](#).

Однако в ходе обособления большевизма в отдельную партию внутри него сформировался взгляд на недопустимость фракционности и расколов. Последовавший опыт размежевания большевизма в ходе Первой мировой войны с большинством тогдашнего левого лагеря, а также управления страной в экстремальных условиях Гражданской войны (в частности, Кронштадтское восстание) только способствовали укреплению идеи внутрипартийного единства. Она была официально оформлена в резолюции X партсъезда о запрете образования фракций (март 1921), а угроза «нового

Кронштадта» крепко засела в умах всех вождей РКП(б). Актуализировался вопрос в 1923–1925 гг.: на фоне ухода Ленина от дел и запаздывания мировой революции возникли дискуссии о дальнейшем пути развития СССР, отягощенные начавшейся между «тройкой» и Троцким борьбой за власть. И здесь Г. Е. Зиновьев выступил ярким сторонником партийного единства.

Сразу отметим, что звучавшие со стороны оппозиции требования о внутрипартийной демократии не распространялись на советскую систему – многопартийность не допускалась ни оппозиционерами, ни ЦК. Касательно же внутреннего плюрализма Г. Е. Зиновьев аргументировал невозможность его расширения рядом моментов. Во-первых, он указывал на опасность критики и разногласия для устойчивости партии. Например, на XII партсъезде весной 1923 г. герой заявил: «всякая критика партийной линии, хотя бы так называемая «левая», является ныне объективно меньшевистской критикой» [\[54, с. 52\]](#). В декабре 1923 г. он увещевал делегатов петроградской губпартконференции, что «демократизм» создавал фракции и полезен скорее буржуазии, поэтому «чтобы иметь единую рабочую партию, надо отказаться от свободы фракционной борьбы <...> нынешняя историческая эпоха требует того, чтобы политическая партия была вылита из единого куска» [\[18, с. 23\]](#). Схожее повторялось и в труде «Ленинизм» (1925): текущей внутрипартийной демократии было достаточно, а «партия должна быть вылита из одного куска. В плоть и кровь партии должно войти сознание необходимости добровольной железной дисциплины в её рядах» [\[12, с. 376–377\]](#).

Во-вторых, Г. Е. Зиновьев апеллировал к сущности советского строя и идеологии. Причём делал это он, во многом ссылаясь на Ильича. В феврале 1924 г. Григорий Евсеевич настраивал партийных новобранцев на работу в «государственном строительстве», выводя единство партии из «заветов, завещанных нам Владимиром Ильичом» и требуя от них «клятву беспощадно бороться с каждым, кто покушается на это единство» [\[10, с. 21\]](#). Чуть ранее, в декабре 1923 г., Зиновьев заявлял сторонникам Троцкого об историческом горизонте легализации фракций: «мы думаем, что это время не наступило, и оно не наступит вообще в эпоху диктатуры пролетариата» [\[9, с. 13\]](#).

В-третьих, Г. Е. Зиновьев ссылаясь на опасность «мелкобуржуазного окружения». Данный термин в большевистской риторике 1920-х гг. отображал малочисленность партии и рабочего класса в преимущественно крестьянской России, что угрожало, как и прямыми проблемами, так и риском перерождения партии из-за проникновения в неё представителей чуждых классовых сил. В такой логике любому расколу внутри партии была бы рада «третья сила» (меньшевики, буржуазия, нэпманы, кулаки и т. п.), а оппоненты «проводили» чуждое классовое влияние [\[7, с. 12–13, 22, 47–50\]](#). Если же слишком расширить внутренний плюрализм, то партийные фракции рисковали бы стать зародышами параллельной власти. Данный аргумент Зиновьев неоднократно использовал в ходе дискуссии осенью 1923 года [\[7, с. 43–44, 59; 18, с. 23–24\]](#).

На наш взгляд, вышеизложенные тезисы базировались не только на буквальном смысле. Во-первых, 1923–1925 гг. были временем борьбы наследников Ильича за власть. В её ходе Григорию Евсеевич усиливал акценты, дабы представить оппонентов (прежде всего Л. Д. Троцкого) не принадлежащими к ленинскому делу. А во-вторых, стоит учесть психологические особенности отношения Зиновьева к партии. Ещё в 1923 году А. В. Луначарский отмечал его романтическую преданность ей [\[29, с. 298\]](#). И даже во время оппозиционной борьбы он не мог уйти от партии, отождествляя её с делом коммунизма, на что позднее указывал Л. Д. Троцкий [\[49, с. 208–209\]](#). В 1928 г. Григорий Евсеевич



видел заслугу своей капитуляции перед Сталиным именно в недопущении раскола партии [\[41, л. 5, 58\]](#). На наш взгляд, в этот период Зиновьев все ещё видел ВКП(б) выполнявшим миссию рабочего класса авангардом, идти против которого недопустимо. Об этом говорил в 1924 г. сам герой: на раскол можно пойти, если «эта организация стала на пути исторического прогресса, если она мешает победе революции», но если нет, то нужно быть «за единство нашей партии на основе ленинизма, на основе того евангелия революционного марксизма, которое мы получили из рук Владимира Ильича» [\[7, с. 72\]](#).

Но против партийного большинства Г. Е. Зиновьев всё-таки выступил. Произошло это в конце 1925 г., на почве разногласий с И. В. Сталиным о крестьянстве и построении социализма в СССР. Выступление прежде стоявшего на позициях большинства Зиновьева на XIV партсъезде (а после него – вхождение в блок с Троцким) было воспринято в лояльной ЦК массе как беспринципность и политиканство [\[4, с. 360-361; 32, с. 164, 166, 219, 333, 406, 616, 673\]](#). Отрицательному восприятию могла способствовать некоторая неясность его мнения о внутрипартийном плюрализме применительно к себе. Ещё в 1923 г. Григорий Евсеевич высказывался о теоретической допустимости борьбы против ЦК в случае потери им «ленинской линии» [\[13, с. 17-18, 23-24\]](#). Тогда же он заявлял, что «не значит, что всякую критику мы должны объявлять фракционностью <...> тех, кто вопит о «партдисциплине», при каждом слове критики выступает как Держиморда, надо высмеивать и смещать» [\[13, с. 25\]](#). Однако выше цитировалась его же фраза от 1923 г. о всякой критике партийной линии как меньшевистской. Поэтому характерна противоречивость, наблюдаемая нами в строках зиновьевской рукописи 1926 г. об октябрьском (1924) пленуме ЦК: «борьба против фракций и группировок совершенно правильная при условии проведения ЦК пролетарской ленинской линии, становится вредной и опасной, когда она направляется против настоящих пролетарских революционеров» [\[44, л. 65\]](#).

Действительно, сложно быть ленинцем против партии, которую и сам, и все называли ленинской. Тем более, что летом 1927 г. сторонники Сталина обвинили троцкистско-зиновьевскую оппозицию в организации «второй партии» [\[33, с. 25, 27; 34, с. 144, 157, 184\]](#). Однако на риторическом уровне и Зиновьев, и Троцкий определяли себя как часть ВКП(б), отрицая высказанную радикальными соратниками идею образования второй партии [\[23, с. 151-152\]](#). К тому же Григорий Евсеевич осенью 1927 г. задумался над прекращением борьбы в случае тотального осуждения оппозиции партийными структурами. 30 октября в заметке под названием «Амальгама» он отмечал, что нарушать единство нельзя в т. ч. из-за ожиданий оппонентов Советской власти, а «сталинским лозунгам двух партий мы дадим несокрушимый отпор. Партия останется единой и единственной» [\[40, л. 30-39\]](#). Раскол партии и страх нового Кронштадта, перевешивали для Зиновьева соображения своей политической правоты. В ноябре того же года в ряде заметок он поставил вопрос перед соратниками о подчинении сталинской линии ввиду необходимости сохранить «единство ВКП(б) во что бы то ни стало». Нелегальные методы работы меньшинства характеризовались им словами «поножовщина, непоправимые шаги» [\[1, с. 344; 43, л. 43, 47; 44, л. 83\]](#).

Самоограничению Г. Е. Зиновьева способствовало и его отношение к подчинению требованиям руководства. Ещё в феврале 1924 г. Григорий Евсеевич требовал от оппонентов «по-большевистски... честно подчиняться решениям партии» [\[7, с. 58\]](#). Когда же настала его очередь склонять голову, то он также обратился к партийным традициям.

В составленном им проекте заявления к открывавшемуся в декабре 1927 г. XV партсъезду мысль была выражена так: «...единство ВКП при диктатуре пролетариата есть главное условие победы рабочего класса» [\[47, л. 69\]](#). К тому же Григорий Евсеевич, воспитанный в большевистской традиции и отрицавший возможность участия в политике помимо партии, опасался «политического небытия», о чём высказался в черновике письма к Троцкому [\[47, л. 68\]](#). Впрочем, ещё 14 ноября Зиновьев был исключён из партии, а решения XV съезда признали идеи оппозиции несовместимыми с партийными и определили новую реальность – для возврата в ВКП(б) теперь требовался отказ не только от антипартийных дел, но и от мыслей.

Новые, сталинские границы внутрипартийного плюрализма были уже, чем зиновьевские. Поэтому Григорий Евсеевич, поставивший цель избежать политического небытия и вернуться в партию (что удалось в 1928 г.), был вынужден корректировать свою риторику по такому образцу. Это прослеживалось в его текстах и заявлениях последующих нескольких лет. Например, в прошении о предоставлении слова на XVI Партконференции в 1929 г. он писал, что «хотел бы заявить о полной моей солидарности с линией ЦК, в частности в вопросе о троцкизме и правом уклоне» [\[46, л. 152\]](#). А в черновике письма к И. В. Сталину (декабрь 1930) Григорий Евсеевич уже прямо признавал правоту генсека во всех вопросах и писал о своей смиренной «гордыне», а также справедливости нанесённых ему «обид» [\[47, л. 27\]](#). Но Зиновьев снова был исключён из ВКП(б) в связи с делом «Союза марксистов-ленинцев» в октябре 1932 г. Дело стало одним из первых прецедентов внутрипартийных гонений за мыслепреступление (платформа лишь обсуждалась, но не воплощалась). Политический климат уже не позволял такого: любая, даже словесная оппозиционность приравнивалась не просто к нарушению единства партии, но и к контрреволюционному действию.

Г. Е. Зиновьев стремился отвести от себя данные обвинения ещё большими славословиями. Стоит привести в доказательство два фрагмента. Первый – строки из его письма в ЦК от 3 декабря 1932 г. Приговорённый к ссылке в Кустанай, Зиновьев заклинал бывших соратников в верности, называл Сталина лучшим учеником Ленина, а также заявлял: «ясно отдаю себе отчет в том, что, если... я когда-либо опять нарушил дисциплину партии, это означало бы навсегда вычеркнуть себя из рядов ВКП, а кто разрывает с большевистской партией, тот погиб как коммунист» [\[3\]](#). Второй – покаянная речь на XVII съезде в феврале 1934 г. По признанию Зиновьева, речь писалась им в т. ч. с расчётом на лояльность партийной аудитории [\[20, с. 288\]](#). В ней Григорий Евсеевич уравнивал малейшее отличие от сталинской линии с фракционностью и заявил о наличии у себя «цепи ошибок» и «претензии» навязать партии особое понимание ленинизма [\[55, с. 492–493\]](#). Однако даже такое изменение собственной позиции не спасло Зиновьева от последующих тюремного заключения и казни.

Таким образом, Г. Е. Зиновьев отстаивал оформившееся на марксистской базе и сформированное в решениях X партсъезда общее большевистское понимание границ внутрипартийного плюрализма. Для сохранения партии и выполнения её исторических задач требовался запрет на фракции. По мысли Г. Е. Зиновьева, в партии требовалось основанное на «железной дисциплине» и подчинении отступников от генеральной линии единство. Главной угрозой для него был осознаваемый им и другими большевиками страх проникновения в партию «мелкобуржуазного влияния». Особенно энергично ограничения внутрипартийного плюрализма отстаивались героем в 1923–1924 гг., когда он был в авангарде антиопозиционной борьбы. Вместе с тем Григорий Евсеевич

признавал право меньшинства на высказывание своей позиции, чем обосновывал собственный противоречивый с точки зрения партийного единства оппозиционный опыт 1925–1927 гг. Но искренняя вера в единство партии и её историческую миссию, а также угроза выпадения из политики привели к подчинению сталинской линии. В последующие годы Зиновьев, исходящий из цели политического выживания, только ужесточил критику внутрипартийного плюрализма.

### **Заключение**

Подводя итоги анализа Г. Е. Зиновьевым заявленных положений, следует сделать следующие выводы:

1 ) Коммунистическую партию Г. Е. Зиновьев определял, как передовую часть пролетариата, его профессиональный политический авангард. Задачей компартии являлась организация рабочего класса на дело революции и построения коммунизма. При этом только компартия могла выражать интересы трудящихся и истины марксизма, единовременно может существовать только одна такая партия (большевистская). К определению сущности компартии Г. Е. Зиновьев возвращался на протяжении всей политической карьеры, так как оно было центральным в его анализе вопроса;

2 ) Г. Е. Зиновьев последовательно поддерживал монополию компартии на власть в рамках советской политической системы. Сращивание партийно-государственного аппарата, по его мнению, являлось не недостатком, а преимуществом политической системы – диктатуры пролетариата. Для характеристики места партии в ней герой в 1923 г. разработал понятие «диктатура партии», заключавшийся в признании однопартийной организации власти ядром существовавшей в СССР диктатуры пролетариата. От понятия «диктатура партии» Г. Е. Зиновьев отказался после 1928 г. в силу проигрыша во внутрипартийной борьбе;

3) По мнению Г. Е. Зиновьева, успешное выполнение роли и функции коммунистической партии требовали неуклонного соблюдения партийного единства. Оно достигалось как путём укрепления сознательности, так и путём установления «железной дисциплины» с подчинением ей отступников от генеральной линии. Фракционность, допустимая в рамках левых партий и от лица революционной её части, была для Г. Е. Зиновьева запретной для отождествлённой им с революцией РКП(б)/ВКП(б). При этом в политической практике Григорий Евсеевич иногда отступал от провозглашённых собой принципов, в 1925-1927 гг. находясь в оппозиции к возглавлявшему И. В. Сталиным партийному большинству. Но приоритет идеи партийного единства, а также боязнь политического небытия привели Г. Е. Зиновьева к отказу от оппозиционной деятельности и подчинению генеральной линии ВКП(б).

### **Библиография**

1. Войтиков С. С. Сталин против Зиновьева. – М.: Вече, 2022. – 544 с.
2. Г. Зиновьев о стабилизации и перестраховках. – Л.: Кубуч, 1925. – 62 с.
3. Григорий Зиновьев-Иосифу Сталину: "Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией..." // Российская газета. 24 августа 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/08/24/grigorij-zinovev-iosifu-stalinu-ni-v-chem-ni-v-chem-ni-v-chem-ia-ne-vinovat-pered-partiej.html?ysclid=lu1m8yv5oa689684420> (дата обращения: 28.07.2024).
4. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. В двух томах. – Т. 2. 1924–1926. – Издание третье, переработанное и дополненное. – М.: Издательство политической литературы, 1977. – 536 с.

5. Жуков Ю. Н. Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции. – М.: Концептуал, 2021. – 560 с.
6. Зиновьев Г. Е. Беспартийный или коммунист: речь т. Г. Зиновьева на собрании, в театре Речкина за Московской заставой. – Харьков: тип. А. А. Либин, 1920. – 24 с.
7. Зиновьев Г. Е. Ближайшие задачи партии после кончины В. И. Ленина: (речь тов. Зиновьева на заседании Коммунистической фракции II Съезда Советов СССР). – Рязань: Рязанский губком РКП(б), 1924. – 74 с.
8. Зиновьев Г. Е. Задачи нашей партии после кончины В. И. Ленина: два доклада. – М.: Красная новь, 1924. – 64 с.
9. Зиновьев Г. Е. За партию: речь т. Зиновьева на собрании бюро ячеек и активных работников Московской организации 11 декабря. – М.: 16-я тип. «Мосполиграф», 1923. – 16 с.
10. Зиновьев Г. Е. История Российской коммунистической партии (большевиков): популярный очерк. – Изд. 5-е. – Л.: Госиздат, 1924. – 263 с.
11. Зиновьев Г. Е. Итоги XIII съезда партии: доклад на общегородском собрании бюро коллективов Ленинградской организации. – М.: Государственное издательство, 1924. – 33 с.
12. Зиновьев Г. Е. Ленинизм: введение в изучение ленинизма. – Л.: Государственное издательство, 1925. – 400 с.
13. Зиновьев Г. Е. Наболевшие вопросы партийной жизни. – М.: Красная новь, 1924. – 59 с.
14. Зиновьев Г. Е. На пороге новой эпохи: коммунисты и беспартийные: стенографическая запись речи, произнесенной на Общегородской беспартийной рабочей конференции в Петрограде в апреле 1921 г. – Пг.: Госиздат, 1921. – 74 с.
15. Зиновьев Г. Е. Путь Октября. – Л.: Государственное издательство, 1926. – 166 с.
16. Зиновьев Г. Е. Сочинения. – Т. 1: История большевизма. – Ч. 1. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. – 360 с.
17. Зиновьев Г. Е. Сочинения. – Т. 3: Борьба за большевизм: из эпохи "Звезды" и "правды". – Ч. 1: 1910–1912. – Л.: Госиздат, 1924. – 536 с.
18. Зиновьев Г. Е. Судьбы нашей партии. – М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1924. – 173 с.
19. Зиновьев Г. Е. IV Конгресс Коммунистического интернационала. Доклад на собрании ответственных работников Петроградской организации РКП(б). – Пг.: Прибой, 1923. – 63 с.
20. Зиновьев Г. Е., Жуков Ю. Н., Спицын Е. Ю. Заслуженный приговор. Ошибки и преступления «зиновьевской» оппозиции. – М.: Концептуал, 2022. – 400 с.
21. Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б. О троцкизме: статьи 1906–1916 гг., вышедшие под редакцией В. И. Ленина. – М.: Новая Москва, 1925. – 335 с.
22. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – М.: Партиздат, 1938. – 356 с.
23. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927: из арх. Льва Троцкого в 4 т. / сост. Ю. Фельштинский. – Т. 4: (июль–декабрь). – Benson: Chalidze, 1988. – 280 с.
24. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е издание. – Т. 6. – М.: Политиздат, 1963. – 619 с.
25. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е издание. Т. 33. – М.: Политиздат, 1969. – 433 с.
26. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е издание. Т. 36. – М.: Политиздат, 1974. – 741 с.
27. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е издание. Т. 41. – М.: Политиздат, 1981. – 696 с.

28. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е издание. Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – 729 с.
29. Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты: политические портреты. – М.: Политиздат, 1991. – 462 с.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е издание. – Т. 4. – М.: Политиздат, 1955. – 615 с.
31. Международное коммунистическое движение. Очерк стратегии и тактики. Под общей ред. В. В. Загладина. – М.: Политиздат, 1970. – 415 с.
32. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. – М.: Научно-политическая книга, 2023. – 1202 с.
33. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г.: Документы и материалы: в 2 кн. – Кн. 1. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 615 с.
34. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г.: Документы и материалы: в 2 кн. – Кн. 2. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 704 с.
35. Орчакова Л. Г. Анархисты в политической жизни России: 1903-1928 гг.: диссертация доктора исторических наук. – 07.00.02. Отечественная история. – М., 2008. – 379 с.
36. Пятый съезд РСДРП. Протоколы. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 878 с.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 1. Д. 543.
38. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 39.
39. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 41.
40. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 45.
41. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 46.
42. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 49.
43. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 50.
44. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 55.
45. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 73.
46. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 74.
47. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 75.
48. Самоходкин В. Н. Григорий Евсеевич Зиновьев // Здоровье советских Вождей: 1920-1930-е гг. – М.: Наше завтра, 2022. – С. 148–243.
49. Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. – М.: Московский рабочий, 1991. – 364 с.
50. Троцкий Л. Д. Сочинения. – Т. 3: 1917. – Ч. 1: От февраля до Октября. – М.: Государственное издательство, 1924. – LXXII, 466 с.
51. Федор Раскольников о времени и о себе: Воспоминания. Письма. Документы. – Л.: Лениздат, 1989. – 574 с.
52. Флигинская Е. Д. Конструирование культового образа Г. Е. Зиновьева в 1920-е годы // Роль личности в историческом процессе. Чтения памяти профессора С.В. Тютюкина: материалы всероссийской научной конференции (10–11 декабря 2022 года, г. Москва). – Казань: Бук, 2023. – С. 182–186.
53. X съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. – М.: Партиздат, 1933. – 954 с.
54. XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. – М.: Издательство политической литературы. 1968. – 903 с.
55. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934. – 717 с.

## Результаты процедуры рецензирования статьи

*В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.*

*Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).*

Рецензия на статью ««Принципы партийности» во взглядах Григория Евсеевича Зиновьева»

Предмет исследования – взгляда Зиновьева Г.Е. на принципы партийности.

Методология исследования. Автор не раскрывает методологию исследования, но из текста статьи можно понять, что в работе использованы методы историзма и сравнительного анализа, позволяющие показать взгляды Г.Е. Зиновьева на партию и ее роль

Актуальность темы обусловлена масштабом личности Г.Е. Зиновьева в партийном и советском строительстве. Автор рецензируемой статьи отмечает, что Г.Е. Зиновьев был соратником Ленина В.И., и еще до 1917 г. был в партийном руководстве и имел высокий авторитет среди сподвижников, позднее он был членом Политбюро, председателем Исполкома Коминтерна, был одним из организаторов антитроцкистской борьбы. Он был одним из идеологов партии большевиков, выступал на XII и XIII партсъездах с политическим отчетом, а в 1925 г. издал свою интерпретацию идей Ильича – книгу «Ленинизм».

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна обусловлена тем, что в статье всесторонне и глубоко исследуются взгляды Г.Е. Зиновьева на роль коммунистической партии в переустройстве общества как в теоретическом плане, так и практическом, автор исследует воззрения Г.Е. Зиновьева по «трем направлениям: 1) понятие коммунистической партии, 2) место партии в советской политической системе, 3) границы внутрипартийного плюрализма». Статья подготовлена на основе анализа текстов Г.Е. Зиновьева в послереволюционный период с учетом его практической деятельности. Изучение политических взглядов Григория Евсеевича Зиновьева будет способствовать пониманию событий начала XX века, расширит знания о большевиках и марксизме, позволит ответить на некоторые вопросы политического развития нашей страны, партийного строительства, позитивных и негативных сторон деятельности большевиков, ставящих задачу создания нового справедливого государства и общества. Автор пишет, что политические взгляды В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого в целом хорошо изучены, а взгляды Г.Е. Зиновьева мало известны и данная статья ставит целью восполнить этот пробел.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный, язык точный и ясный. Есть некоторые элементы описательности, что делает текст легким для восприятия не только специалистами, но и широкими кругами читателей, в первую очередь аспирантам, студентам и т.д. Структура статьи направлена на достижение цели статьи и ее задач. В начале статьи отмечается, что «Манифест коммунистической партии» – главный документ, декларирующий принципы марксистской идеологии и подчеркивавший важность партии». Затем отмечаются и другие работы, в которых этот тезис отмечался. Далее автор последовательно и всесторонне рассматривает взгляды Г.Е. Зиновьева о партии, авангардной роли рабочих, о роли коммунистической партии в послереволюционной политической системе, отмечено как Г.Е. Зиновьев развивал идею о диктатуре партии, права меньшинства и многое другое. Текст статьи логичен и последовательно изложен, текст читается достаточно легко. В заключении приведены выводы по теме.

Библиография работы состоит из 55 работ (это тексты самого Г.Е. Зиновьева, работы исследователей о Г.Е. Зиновьева, а также по вопросам борьбы между большевиками в 1920-ые годы, смежным темам. Библиография работы в полной мере отвечает цели статьи и ее задачам.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранного материала, проведенного анализа и библиографии.



Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.